

DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-133-144

УДК 32; 17

Тимофей Дмитриев

«Желание быть видимым»: Френсис Фукуяма в поисках объяснения новых тенденций мировой политики

Аннотация. В статье дается критический анализ основных положений последней книги Френсиса Фукуямы, которая посвящена кризису либеральной демократии на Западе, связанному с проблематикой идентичности. Рассматриваются, в частности, предложенные Фукуямой оценка и объяснение современных мировых процессов через призму борьбы держав и групп за признание индивидуальной и коллективной идентичности. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению той роли, которую широко понятая национально-государственная идентичность способна сыграть в стабилизации происходящих в современном мире социально-политических процессов.

Ключевые слова: мировая политика; национально-государственная идентичность; человеческое достоинство; борьба за признание идентичности; политика, основанная на идентичности; «политика идентичности»; групповые права, формы частичного признания; подъем «политики идентичности»; кризис либеральной демократии.

Рецензия на книгу: Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М.: Альпина Паблицер, 2019. 256 с.

Оригинал: Fukuyama F. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. N.Y. 2018.

Прописные истины имеют свойство стираться и забываться, отходить на второй план, поэтому их следует время от времени напоминать. Попыткой такого напоминания можно считать и последнюю книгу Френсиса Фукуямы «Идентичность: стремление к признанию и политика рессентимента»¹. В ней известный американский ученый выводит на первый план современной политики и международных отношений *борьбу за признание индивидуальной и коллективной идентичности* в качестве важнейшего мотива современных мировых процессов. По его мнению, «требование признания и уважения

1 К сожалению, в русском издании книги английское слово «resentment» (от фр. *ressentiment*, имеющего богатую историю), не слишком удачно переведено как «неприятие».

Сведения об авторе: ДМИТРИЕВ Тимофей Александрович — доцент факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат философских наук, tdmitriev@hse.ru.

своей идентичности — это универсальное понятие, которое охватывает многое из того, что происходит сегодня в мировой политике» [Фукуяма, с. 23].

Непосредственным поводом для написания книги послужила победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 г. в США. Несмотря на диаметрально противоположные оценки этого политического события, расколовшего как правящие классы США, так и рядовых американцев, приход к власти в крупнейшей державе Запада политика, тут же окрещенного его недругами «популистом», положил начало новому раунду дебатов о том, куда идет современный мир. Фукуяма пользуется этим прецедентом, чтобы заявить о настоятельной необходимости «конверсии» современного политического зрения. По его мнению, понять актуальные тенденции общественно-политического развития современного мира будет можно, только вернувшись к изрядно подзабытому понятию «борьбы за признание» и поставив его во главу угла политического и социального анализа.

Своими интеллектуальными корнями понятие «признания» восходит к философии Г.В.Ф. Гегеля в интерпретации французского философа-неогегельянца XX в. Александра Кожева¹. По словам Фукуямы, «еще Гегель утверждал, что борьба за признание является главной движущей силой человеческой истории, ключом для понимания зарождения современного мира» [Фукуяма, с.34]. Так происходит потому, что признание со стороны других членов общества является важнейшим условием осознания человеком своей собственной ценности и человеческого достоинства. «Внутреннее чувство собственного достоинства, — пишет Фукуяма, — требует признания. Осознания собственной ценности недостаточно, если окружающие не признают ее публично или, что еще хуже, если они унижают меня или игнорируют мое существование. Самоуважение возникает в результате уважения со стороны других» [Фукуяма, с.33].

Однако Фукуяма не был бы либеральным поклонником Гегеля, если бы не поместил борьбу за признание, идущую вокруг принципа личного и коллективного достоинства, в более масштабный контекст исторического становления. В результате читатель получает набросанную широкими мазками картину исторического развития современного мира от его истоков до наших дней. Вслед за Гегелем и Кожевым, Фукуяма переносит понятие «признания» на истолкование смысла и динамики мировой истории. Борьба за признание рассматривается им как главная движущая сила мира модерна, связанная с тем, что достоинство человека в современную эпоху становится универсальным моральным и политическим принципом. С этой точки зрения мир модерна представляет собой исторический универсум, отмеченный печатью всеобщего признания человеческого достоинства.

1 Речь идет о лекциях А. Кожева 1930-х годов, посвященных «Феноменологии духа» Гегеля. Они были изданы отдельным изданием во Франции в 1948 г. В 2003 г. был опубликован русский перевод этого труда (по оценке учителя Фукуямы, американского философа Алана Блума, — одного из немногих значимых философских произведений XX в.) [Кожев].

В современном мире, однако, проблема признания осложняется новыми веяниями, связанными с борьбой отдельных групп за признание их исключительного положения в обществе, равно как и с борьбой индивидов за признание не только «права на особенность», но и на свои исключительность и неповторимость. Тем самым принцип всеобщего признания в качестве как фактического, так и нормативного принципа мира модерна сам оказывается под вопросом. Если Гегель утверждал, что «единственным рациональным решением проблемы стремления к признанию станет всеобщее признание, в рамках которого признается и уважается достоинство каждого человека», то сегодня «всеобщее признание оспаривается как другими формами исключительно группового признания — на основе национальности, религии, секты, расы, этнической принадлежности или пола, — так и индивидами, требующими признания своего превосходства над остальными» [Фукуяма, с. 23].

Прежде чем перейти к обсуждению ключевых тем, которые Фукуяма затрагивает в своей новой книге, надо сказать об основных понятиях, используемых автором: «идентичность», «достоинство», «политика идентичности» и «политика ressentимента».

Понятие «идентичность» — одно из наиболее интенсивно используемых в актуальных общественно-политических дебатах. Под идентичностью Фукуяма понимает «внутреннее Я» человека (“inner self”), в противоположность его «внешнему Я в обществе» (“outer self-in-society”). Как подчеркивает Фукуяма, «идентичность вырастает прежде всего из различия между истинным внутренним «я» и внешним миром социальных правил и норм, которые не признают и не уважают ценность или достоинство этого внутреннего «я». На протяжении всей истории человечества личности вступали в противоречие со своими обществами. Но только ныне сложилось мнение, что внутренне истинное «я» имеет естественную, природную ценность, а внешнее общество систематически ошибается и несправедливо его оценивает. Менять необходимо не внутреннее «я», подчиняя его правилам общества, но само общество» [Фукуяма, с. 33].

Что касается понятия «человеческое достоинство», то оно имеет весьма почтенную историю в философской мысли Запада и восходит к работам Жан-Жака Руссо и Иммануила Канта. Речь идет о требовании рассматривать каждого человека как свободное и равное всякому другому человеку существо, то есть не только как средство для достижения «моих» целей, но и как цель саму по себе. Однако человеческое достоинство не всегда понималось подобным образом. Прежде, до появления мира модерна, достоинством наделялись отнюдь не все люди или группы людей, но лишь те из них, что были привилегированными в том или ином плане. «Внутреннее «я», — пишет Фукуяма, — является основой человеческого достоинства, но природа этого достоинства непостоянна, с течением времени она менялась. Во многих ранних культурах достоинством наделялись лишь немногие, часто — воины, готовые рисковать жизнью в бою. В других обществах достоинство является универсальным атрибутом, основанным на внутренней ценности людей, обладающих агентностью [субъектностью — *ред.* «Перспектив»] — свободой воли и самостоятельностью. В иных случаях достоинство человека обусловлено его принадлежностью к большой группе людей, объединенных общей памятью и опытом» [Фукуяма, с. 33].

Используя понятия «идентичности», «достоинства» и «признания», Фукуяма дает определение «политике идентичности». С его точки зрения, она является реакцией человека или группы людей на ситуацию, при которой общество не признает внутреннее «Я» человека, что приводит к разладу между его внутренним и внешним, социальным «Я» и утрате чувства собственного достоинства. Это, в свою очередь, ведет к появлению отдельных групп и движений, которые требуют от общества признания своей погрязшей или непризнанной идентичности. «Поскольку стремление к признанию, — пишет Фукуяма, — заложено в природе человека, сегодня чувство идентичности быстро превращается в политику идентичности, в рамках которой люди требуют общественного признания своей ценности» [Фукуяма, с. 33–34]. Чувство идентичности представляет собой интерсубъективный феномен, оно всегда требует признания со стороны другого. Признание же обретает стабильные и прочные формы лишь в том случае, если оно закреплено на институциональном уровне. «Таким образом, существенную часть политических конфликтов современного мира — от демократических революций до новых социальных движений, от национализма и исламизма до политических столкновений в университетских кампусах современной Америки — можно свести к проявлениям политики идентичности» [Фукуяма, с.34].

В современном мире, однако, политика идентичности имеет тенденцию принимать извращенные формы. Вместо того чтобы вести к созданию универсального либерального государства, в рамках которого все граждане мира, вне зависимости от пола, расы, этнической принадлежности и вероисповедания (или же отсутствия такового) могли бы наслаждаться взаимным признанием своих прав, она часто толкает мир к признанию партикулярных идентичностей (этнических, расовых, гендерных, религиозных), которые основаны на «объективированных» различиях и принципиально уклоняются от универсализации. Тем самым частное имеет тенденцию целиком и полностью подчинять себе универсальное, что ставит модель истолкования мировой истории, основанной, по Гегелю, на универсальной работе принципа признания, с ног на голову.

Подобная политизация проблем коллективной и индивидуальной идентичности представляется Фукуяме одной из главных проблем современной мировой политики. Именно ей и посвящена значительная часть книги известного американского политолога. Угрозу разложения, или регресса современной либеральной демократии он связывает с целым сонмом новых вызовов, вышедших в последнее время на авансцену мировой политики. К их числу относятся подъем разнообразных форм религиозного фундаментализма (наиболее опасной Фукуяма считает «политизацию ислама»), а также «всплеск старомодного национализма» как на Западе, так и на его «периферии».

Диагноз эпохи: «отступление демократии»

Наиболее важные черты политических процессов в современном мире Фукуяма связывает с «отступлением демократии». В 1970 г. существовало не более 35 электоральных демократий. В последующие 30 лет их число постоянно росло, что было связано с крушением последних диктатур в Западной Европе (Испания, Португалия, Греция), крахом режимов советского типа в странах Восточной Европы и процессами демократиза-

ции в странах «третьего мира». Однако в новом тысячелетии этот процесс обращается вспять. Число демократий сокращается, Китай, будучи авторитарной державой, выдвигает притязание на мировое лидерство, а «возвращение России к авторитарным традициям вызывает скорее разочарование, чем удивление» [Фукуяма, с. 17]. На этом фоне приход к власти в США Дональда Трампа и Brexit стали лишь еще одним неприятным звеном в длинной цепи событий, связанных с подъемом режимов авторитарного типа и «волной популистского национализма». То, что они произвели эффект разорвавшейся бомбы, объясняется, по мнению Фукуямы, тем, что на протяжении многих десятилетий «две ведущие демократии были архитекторами современного либерального международного порядка, возглавившими под руководством Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер «неолиберальную революцию» 1980-х годов. Однако они сами, похоже, свернули в сторону куда более примитивного национализма» [Фукуяма, с. 18].

Главное, что объединяет лидеров этого разношерстного «популистского Интернационала» и разгневанные массы, к которым они апеллируют, — это, с точки зрения Фукуямы, гнев против национальных элит, проводящих антинациональную политику. «Общей целью политиков-популистов как в Европе, так и в США является «возвращение своей страны». Они утверждают, что традиционные представления о национальной идентичности размываются и присваиваются как пришельцами с различными ценностями и культурами, так и левыми прогрессистами, нападающими на саму идею национальной идентичности как расистскую и нетерпимую» [Фукуяма, с. 170].

Эти политические перемены на национальном уровне Фукуяма вписывает в международную конъюнктуру, которую он называет «политикой рессентимента». Под последней он понимает политику мобилизации разгневанных и обиженных масс, осуществляемую лидерами с авторитарными замашками при помощи современных массмедиа и институтов массовой плебисцитарной демократии. «Известно множество примеров, — отмечает Фукуяма, — когда тот или иной политический лидер мобилизовал последователей, эксплуатируя их групповые обиды, чувство унижения или подозрение, что ими пренебрегают или что их недооценивают. Комплекс этих ощущений, называемый рессентиментом, требует восстановления поправленного достоинства такой группы. Эмоциональное воздействие, которое способна оказать на общество униженная группа, добивающаяся восстановления чести и достоинства, может быть гораздо сильнее влияния людей, просто преследующих экономическую выгоду» [Фукуяма, с. 30].

Сегодня многие либеральные демократии на Западе стоят перед судьбоносным выбором. Этот выбор тесно связан с борьбой за признание между группами с сильно расходящимися и даже враждебными друг другу коллективными идентичностями. Современные либеральные демократии, пишет Фукуяма, «вынуждены адаптироваться к быстрым экономическим и социальным изменениям и стали гораздо более разнообразны в результате глобализации. Группы, которые ранее оставались незамеченными для общества в целом, теперь требуют признания и уважения. Однако вытесняемые ими на задний план группы ощущают, что теряют статус, а это порождает политику рессентимента и негативную реакцию с их стороны. Обращение к еще более узким идентичностям угрожает дестабилизировать общественный диалог и коллективные

действия во всем социуме. Эта дорога в конечном счете приведет к краху и развалу государства» [Фукуяма, с. 205].

Почему политика идентичности разрушает либеральную демократию?

«Политика идентичности разрушает демократию», — под таким заголовком в сентябре 2018 г. было опубликовано интервью, данное Ф. Фукуямой главному редактору глобальной медиа-платформы «The WorldPost» Натану Гардельсу [Gardels].

Как доказывает Фукуяма, то, что мы сегодня называем «политикой идентичности», возникло благодаря социальным движениям 1960-х годов, выдвинувшим требования равных прав для афроамериканцев, женщин, геев и лесбиянок, а также для представителей других маргинализованных групп. Все они требовали признания своего достоинства и отказа от политики дискриминации по отношению к ним. Постепенно эти требования оттеснили на задний план требования большего социально-экономического равенства, основой которых были классовые деления и классовые конфликты в обществах модерна. С начала 1970-х годов на смену этой претендовавшей на универсальность повестке дня пришли требования гарантированных государством привилегий для отдельных маргинализованных групп. Примечательно, что люди, принадлежащие к этим группам, стали определять свою идентичность особым «жизненным опытом», доступным только им и скрытым за семью печатями от «чужаков». Необходимость предоставления таких экстраординарных привилегий лоббисты этих групп с некоторых пор стали мотивировать несправедливостями и даже преступлениями, совершенными против них в прошлом.

В результате радикализации требований со стороны меньшинств под вопросом оказался универсальный характер принципов гражданского равноправия: на смену ему пришла политика «позитивной дискриминации» (positive discrimination) в отношении прежде маргинализованных групп, которая достигла наибольшего размаха в современных США. Ответной реакцией на эти процессы в развитых странах Западной Европы и Северной Америки становится взлет «правого популизма».

Взлету «правого популизма» на Западе в последние годы способствовало, согласно Фукуяме, несколько важных факторов. Это, прежде всего, процессы глобализации, которые во многих развитых странах Запада имели своим следствием сокращение производства или перенос его в страны с более дешевой рабочей силой, что привело к сокращению рабочих мест в производственной сфере. В том же направлении в этих странах действовала и политика создания «гибкого» рынка труда, связанная с переходом от долгосрочного, в идеале — пожизненного контракта, подкрепленного внушительным пакетом социальных благ и услуг, к краткосрочным трудовым контрактам, не подкрепленным социальным вознаграждением и не гарантированным коллективными трехсторонними договорами (государство/работодатели/профсоюзы). Все это привело к упадку традиционного рабочего класса и к эрозии «большого» среднего класса, который на протяжении многих десятилетий служил прочной социальной опорой современных либеральных демократий. На их место пришли «работающие бедные», кото-

рые, даже трудясь зачастую на нескольких работах, не могут обеспечить себе средства на достойную жизнь. Эти перемены рассматриваются миллионами людей как утрата привычного и заслуженного трудом социального статуса, что приводит их сегодня в первые ряды участников социального протеста.

Разрушительный характер, который приняла в последние десятилетия на Западе политика идентичности, обусловлен еще одним важным фактором. Если смотреть на современную политику как на аналог рынка (а такой взгляд широко распространен в среде западных экспертов), то придется признать, что политический рынок реагирует на ярко выраженные предпочтения. Это означает, что хорошо организованные лоббисты, представляющие разнообразные меньшинства, могут оказывать серьезное давление на власть, совершенно не отражая при этом интересы и предпочтения массового избирателя. Ярко выраженные предпочтения, лежащие в основе претензий меньшинства на признание своей идентичности и на ресурсную поддержку ее воспроизводства, устроены так, что повышают ставки конфликта и уменьшают перспективы сотрудничества. Более того, в основе таких ярко выраженных политических предпочтений, как правило, лежат *неделимые блага*, что только повышает вероятность возникновения конфликтов и увеличивает степень их интенсивности¹.

На сегодняшнем политическом рынке в развитых странах Запада именно идентичности выступают в качестве главной формы тех неделимых благ, что стоят на кону. «В отличие от борьбы за экономические ресурсы, претензии на идентичность обычно не поддаются обсуждению: права на общественное признание по признаку расы, этнической принадлежности или пола основаны на фиксированных биологических характеристиках, их нельзя обменять на другие блага или каким-то образом ограничить» [Фукуяма, с. 157].

Либеральная демократия перед лицом новых вызовов

Как складываются условия, которые в современном мире ведут к политизации темы «достоинства»? Отвечая на этот вопрос, Фукуяма подчеркивает, что для перевода проблемы признания достоинства группы людей или целой страны в политическую плоскость необходимо наличие политических лидеров и движений, делающих коллективные притязания видимыми для общества и мира, *urbi et orbi*. Своеобразие же текущего политического момента Фукуяма усматривает в том, что сегодня политика идентичности в основном принимает форму «политики рессентимента». Рессентимент — слово из философского словаря мира модерна, принадлежащее Фридриху Ницше. «То, с чем мы столкнулись сегодня, — пишет Фукуяма, — можно назвать политикой рессентимента. Известно множество примеров, когда тот или иной политический лидер моби-

¹ Неделимые блага — в современной политической науке такие блага, которые, будучи укорененными обычно в религии, расе, этнической принадлежности или гендере, с трудом поддаются делению и перераспределению. Этим они отличаются от тех благ, которые принято называть делимыми. На этом основании многие современные авторы приходят к выводу, что в политике следует избегать ярко выраженных политических предпочтений и того, чтобы ставить во главу угла таких предпочтений неделимые блага [Шапиро, с. 101].

лизовывал последователей, эксплуатируя их групповые обиды, чувство унижения или подозрение, что ими пренебрегают или что их недооценивают. Комплекс этих ощущений, называемый рессентиментом, требует публичного восстановления поправленного достоинства такой группы» [Фукуяма, с. 30].

Примечательно, что в качестве одного из главных примеров политики рессентимента в сегодняшнем мире Фукуяма приводит внешнюю и внутреннюю политику современной России. По словам Фукуямы, на чувстве поправленного достоинства соотечественников «играет президент Владимир Путин, говоря о трагедии распада Советского Союза и о том, как Соединенные Штаты воспользовались слабостью России в 1990-х гг., чтобы расширить НАТО на Восток до ее границ. Ему претит чувство морального превосходства, которое демонстрируют западные политики. Он хочет, чтобы к России относились не как к слабому региональному игроку (как некогда обронил президент Обама), а как к великой державе» [Фукуяма, с. 30].

Во втором десятилетии XXI в., отмечает Фукуяма, на место прежнего противостояния между левыми и правыми «выходит конфликт, связанный с определением идентичности» [Фукуяма, с. 29]. Если на протяжении XIX и большей части XX в. левыми и «прогрессивно мыслящими» интеллектуалами были те, кто говорил от имени «народа» и за него, то теперь левые и правые поменялись местами. Начиная с 1970–1980-х годов левые берут на себя роль защитников различных прежде маргинализованных меньшинств (иммигранты, геи и лесбиянки, мусульмане в странах Западной Европы, афроамериканцы и «латинос» в США), тогда как правые начинают выступать в роли защитников народа и трудящегося коренного большинства.

Эта смена ролей на дискурсивно-риторическом уровне сопровождалась также важными трансформациями политического ландшафта в ведущих странах Западной Европы и США. «Проблема современных левых, — пишет Фукуяма, — это те формы идентичности, на которых они сконцентрировали свое внимание. Вместо того, чтобы строить базу своих сторонников на основе крупных сообществ, трудящихся и эксплуатируемых, например, они обращаются ко все более мелким группам, подверженным специфической маргинализации» [Фукуяма, с. 122].

Что касается правых, они, согласно Фукуяме, «переняли язык и формулировки идентичности у левых, в частности, идею о том, что моя конкретная группа подвергается преследованиям, что ее положение и страдания не видны остальной части общества и что вся социальная и политическая структура, ответственная за эту ситуацию (читай: СМИ и политическая элита), должна быть уничтожена. Политика идентичности стала линзой, через которую сегодня представители идеологического спектра рассматривают большинство социальных вопросов» [Фукуяма, с.157].

Этот извод политики идентичности и мультикультурализма в развитых странах Запада вносит свой вклад в процесс «отступления демократии». Правые требуют возврата к гомогенному пониманию нации и поднимают на щит доминирующую основную культуру, которая имела привилегированный статус в прошлом. Левые, критикуя их за это

и делая ставку на защиту маргинальных меньшинств, вместе с водой выплескивают и ребенка, видя в национальной гордости и любви к отечеству всего-навсего пережитки «атавистического национализма», требуя от своих оппонентов без всякого сожаления с ними расстаться¹. По мнению Фукуямы, «тот тип политики идентичности, который все чаще выбирают как левые, так и правые, глубоко порочен, поскольку вновь обращается к трактовке идентичности на основе фиксированных характеристик, таких как расовая, этническая или религиозная принадлежность» [Фукуяма, с. 198]. Отказ от подобных идей в прошлом, добавляет Фукуяма, дался ценой больших потерь.

Правда, остается неясным, удастся ли отказаться от них и теперь. Анализ рецензий на книгу Фукуямы в американских академических изданиях и национальных массмедиа свидетельствует, что «прогрессивно мыслящие» рецензенты дружно обвиняют американского ученого: он будто бы все валит с больной головы на здоровую, адресуя им те упреки, которых по справедливости заслуживают исключительно их оппоненты².

Политики идентичности — однозначное зло?

Означает ли сказанное, что политика идентичности представляет собой однозначное зло и что от нее следует раз и навсегда отказаться? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Внимательное чтение книги Фукуямы показывает, что пагубна лишь та политика идентичности, которая ведет к появлению в обществе новых замкнутых расовых, этнических, религиозных и гендерных корпораций, претендующих на особое отношение к себе. Ту же политику идентичности, которая способна укреплять национальное единство и социальную солидарность в обществе, можно только приветствовать.

Проблему для либеральной демократии на Западе Фукуяма видит в распространении узких идентичностей. В настоящее время, как с горечью отмечает автор, «для некоторых прогрессистов политика идентичности оказалась дешевой заменой серьезных размышлений о том, как обратить вспять тенденцию роста социально-экономического неравенства, развивавшуюся в большинстве либеральных демократий на протяжении 30 лет. Легче спорить по вопросам культуры в тиши элитных институтов, чем изыскивать средства и убеждать скептически настроенных законодателей изменить политику» [Фукуяма, с. 149].

С этой точки зрения Фукуяма противопоставляет движение за гражданское равноправие в США в 1970-х годов таким претендующим на исключительность движениям, как «Черные пантеры» и «Нация ислама». Говоря о современной повестке, он отмечает

1 Как справедливо замечает Фукуяма, «политика идентичности в понимании левых легитимизирует, как правило, только некоторые идентичности, игнорируя и принижая другие, — такие как еврейская (то есть белая) этническая принадлежность, христианская религиозность, «сельская провинциальность», вера в традиционные семейные ценности и другие, связанные с этими, категории» [Фукуяма, с. 154].

2 Пример такого рода упреков в адрес Фукуямы можно найти в рецензии Алана Вольфа на его книгу [Wolfe].

положительную роль борьбы афроамериканцев против полицейского произвола под лозунгом #BlackLivesMatter и борьбы женщин Америки против сексуальных домогательств на рабочих местах под лозунгом #MeToo.

Чтобы показать, что осмотрительная политика идентичности способна сыграть положительную роль, Фукуяма обращается к анализу национальной идентичности. Ее, как он считает, рано сбрасывать со счетов в современной политике. Как доказывает Фукуяма, развитые формы национальной идентичности, построенные на достаточно широких, но при этом четких и определенных критериях членства в национально-государственной общности, способны играть большую положительную роль в качестве основы легитимности демократических институтов и дееспособной демократической политики.

«Национальная идентичность, — пишет автор, — начинается с общей веры в легитимность политической системы страны, независимо от того, является она демократической или нет. Идентичность может быть закреплена в официальных законах или учреждениях, определяющих, как преподавать историю страны в школах или какой язык будет официальным национальным языком. Однако национальная идентичность распространяется на сферу культуры и ценностей. Она состоит из историй, которые люди рассказывают о себе: откуда они пришли, какие праздники празднуют, что хранится в их общей исторической памяти, что нужно, чтобы стать подлинным членом общества» [Фукуяма, с. 161–162].

У развитой национальной идентичности есть как достоинства, так и недостатки. Говоря об опасностях, Фукуяма отмечает такие ее отталкивающие черты, как этнонационализм, связанный с «эксклюзивным, этнически обусловленным чувством принадлежности» [Фукуяма, с. 163–164]. По его мнению, «этот тип идентичности предполагает преследование людей, не входящих в идентифицируемую группу, и агрессию против других стран от имени (или для защиты) соотечественников, проживающих в них» [Фукуяма, с. 164].

Однако такая ситуация не является фатальной. Напротив, развитые формы национальной идентичности, очищенные от ксенофобии и этноцентризма, обладают целым рядом ярко выраженных достоинств, без которых невозможна нормальная деятельность институтов и практик современной либеральной демократии. Фукуяма отмечает, в частности, что национальная идентичность дает физическую безопасность и способствует образованию и сохранению политических единиц, которые могут поддерживать правопорядок внутри государства и эффективно действовать на международной арене. Затем, национальная идентичность составляет необходимую предпосылку для достижения высокого уровня государственного управления, чему препятствует разбазаривание чиновниками государственных средств в интересах этнической, региональной или родоплеменной лояльности. Кроме того, развитая национальная идентичность содействует экономическому развитию, вселяя в граждан чувство гордости за свою страну и готовность трудиться ради общего блага. Наконец, важная функция национальной идентичности заключается в расширении круга дове-

рия. «Доверие действует как смазка, облегчающая и экономический обмен, и вовлечение в политические процессы. Доверие основано на так называемом социальном капитале — способности сотрудничать с другими людьми на основе неформальных норм и общих ценностей» [Фукуяма, с. 165]. Однако для того, чтобы доверие могло обеспечить процветание общества, радиус его действия должен быть максимально широким. Именно такого результата позволяет добиться широкая национальная идентичность. Что же касается задачи-максимум национальной идентичности, то ее Фукуяма видит в том, «чтобы сделать возможной саму либеральную демократию» [Фукуяма, с. 167].

Диагноз поставлен — что дальше?

По мнению Фукуямы, мы не можем отказаться ни от идентичности, ни от основанной на ней политики идентичности. Выход из нынешнего кризиса либеральной демократии он видит в поощрении и развитии более открытых форм национальной идентичности и моделей гражданства, нежели те, с которыми она подошла к своему очередному кризису. «Сдвиг в повестках, как левых, так и правых, — пишет Фукуяма, — в сторону защиты все более узких групповых идентичностей угрожает возможности общения и коллективных действий. Но отказ от идеи идентичности, составляющей слишком большую часть представлений современных людей о себе и окружающих их обществах, не решит эту проблему. Выходом из сложившейся ситуации будет более широкое и интегрированное определение национальных идентичностей, учитывающее фактическое разнообразие существующих либерально-демократических обществ» [Фукуяма, с. 158]. Здесь, правда, как и во всем прочем, нужна мера, поскольку стать полноправным членом либерально-демократического общества можно, лишь искренне приняв не только его базовые конституционные принципы, но и его демократическую культуру, без которой любая процедурная демократия не работает. Как справедливо замечает автор, «пассивного принятия демократического кредо недостаточно для того, чтобы система заработала. Демократия требует от граждан и активного проявления определенных добродетелей» [Фукуяма, с. 199–200].

Согласно Фукуяме, в Соединенных Штатах и странах-членах Европейского союза можно добиться более высокого уровня социальной интеграции и солидарности. Для этого базовые параметры национальной идентичности необходимо задавать при помощи политических понятий и метафор, которые были бы совместимы с культурным разнообразием, существующим в большинстве развитых обществ Запада и Востока. Гражданство в будущем следует определять не по критериям этнического происхождения или религиозной принадлежности, но с ориентацией на ценности либерального Просвещения, такие как конституционализм, уважение к правам человека и гражданина, а также правление закона. Как полагает Фукуяма, «задача, стоящая перед современными либеральными демократиями в контексте проблем миграции и растущего многообразия заключается в том, чтобы... определить инклюзивную национальную идентичность, соответствующую многообразной реальности общества, и ассимилировать новичков в эту идентичность» [Фукуяма, с. 180].

Стало быть, рецепты, предлагаемые Фукуямой для решений современных проблем, порожденных различными вариантами политики идентичности, состоят не в том, чтобы раз и навсегда отказаться от подобной политики, но в том, чтобы сделать ее более открытой, построенной на нормах и ценностях самой либеральной демократии. В плане конкретных предложений Фукуяма призывает вернуться к обязательной военной службе, которая во многих странах Запада стала достоянием истории, развивать гражданские службы, а также прилагать больше усилий для интеграции иммигрантских меньшинств. Он отдает явное предпочтение политике ассимиляции перед политикой мультикультурализма и требует более строгого контроля ЕС над национальными границами. Наконец, большую роль в ассимиляции новых граждан стран Запада Фукуяма отводит системе начального и среднего образования, в основе которого должно лежать преподавание и изучение общего национального языка и национальной культуры.

Новой книге Фукуямы вряд ли суждено стать бестселлером на манер его работы «Конец истории и последний человек», опубликованной в 1992 г. по горячим следам краха коммунизма, окончания «холодной войны» и исторического триумфа либерально-демократического Запада [Fukuyama *The End of History...*]. Однако она заслуживает внимания. В отличие от книги 1992 г., здесь речь идет уже не о безальтернативном триумфе либеральной демократии, но о тех новых вызовах, с которыми ей пришлось столкнуться в последние десятилетия. Насколько убедительно выглядят рецепты, которые Фукуяма предлагает для преодоления кризисного состояния либерально-демократических порядков Запада, — судить читателю.

Литература

Кожев А. Введение в чтение Гегеля / Пер. с франц. А. Г. Погоняйло. СПб. 2003.

Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / Пер. с англ. М. 2019.

Шапиро И. Политика против господства. М. 2019.

Gardels N. Francis Fukuyama: Identity politics is undermining democracy // *The Washington Post*. 18.09.2018. — URL: [washingtonpost.com/news/theworldpost/wp/2018/09/18/identity-politics/](https://www.washingtonpost.com/news/theworldpost/wp/2018/09/18/identity-politics/) (date of access: 10.03.2020).

Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York. 1992.

Wolfe A. Francis Fukuyama's Shrinking Idea // *The New Republic*. 16.01.2019. — URL: [newrepublic.com/article/152668/francis-fukuyama-identity-review-collapse-theory-liberal-democracy](https://www.newrepublic.com/article/152668/francis-fukuyama-identity-review-collapse-theory-liberal-democracy) (date of access: 10.03.2020).